

Владимир
Касютин

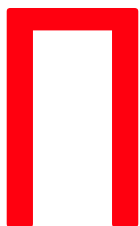
Михаил
Вяткин

Человек выезжающий и человек остающийся

ВСТРЕЧА НОМЕРА

Фото Анвара Галеева

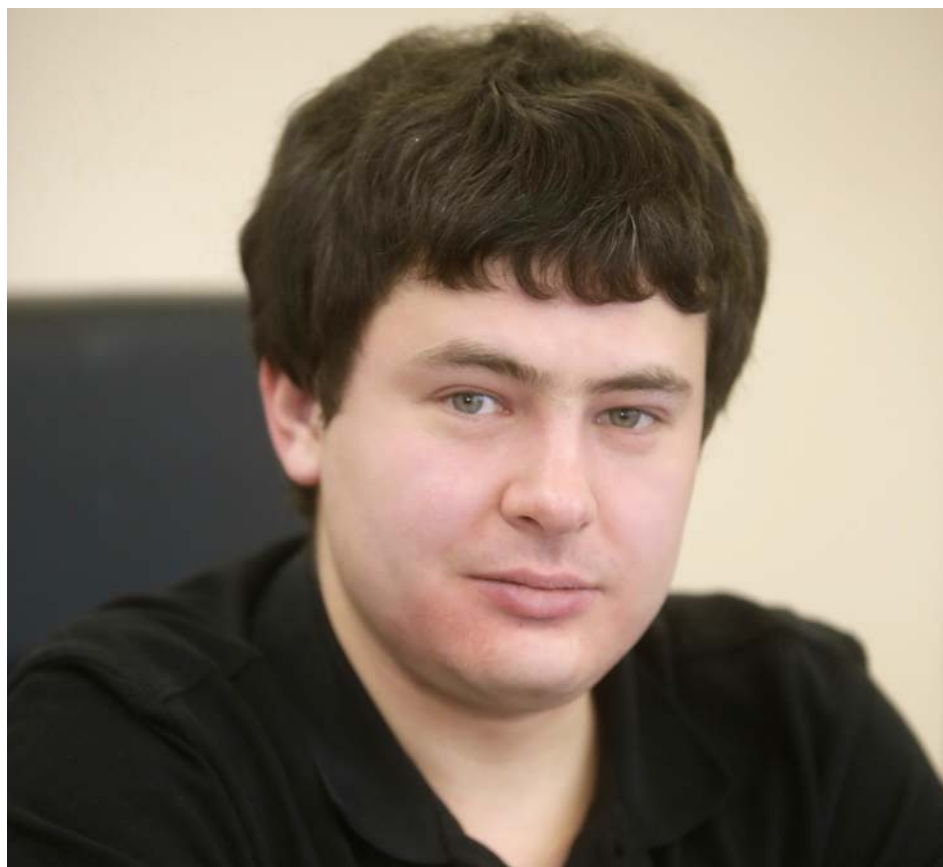
Наш гость — Артемий Позаненко — о пространственной изоляции, родовых поместьях, отходниках — о тех, кто отправляется в путь в поисках нового дома, работы или остаётся в брошенном поселении

Позаненко Артемий Алексеевич — преподаватель кафедры местного самоуправления факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Аналитик Проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ.

Имеет большой опыт полевых исследований в малых городах и сельской местности (с 2008 года). Участвовал в десяти полевых исследовательских проектах.

ЧАСТЬ I. НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ

Артемий Алексеевич, люди в России в разные времена убежали от государства: на юг, на север, на восток. В XX веке из сёл и деревень — в большие города, где легче лавировать и уклоняться. Сегодня за этим же из мегаполисов нередко едут в сельскую местность. Начинается новый цикл — переселение в места, откуда уходит государство, сбрасывающее социальные функции?

Да, такой процесс идёт. Он пока гораздо более слабый, чем урбанизационный, который активно продолжается, но в сравнительно скором времени, особенно в нечернозёмных регионах, будет исчерпан, некому будет уезжать. И тогда, возможно, эти территории начнут заполняться.

В Костромской области, население которой с середины XX века уменьшилось на треть, процесс отъезда уже притормаживается. А те люди, которые не уехали, в основном остались осознанно. Сам процесс переселения из городов в сёла — достаточно пёстрый. Самый распространённый вариант — возвращение в родной дом после выхода на пенсию. А те поселения, которые в вашем вопросе фигурируют, они в основном создаются не на базе старых сёл, а где-то в стороне, в полях.

Получается как бы два типа поселений — уже существующие, которые подпитываются возвращающимися на родину, и те, что создаются на новых местах?

Порой поселения создаются на базе вымершей или почти вымершей деревни, это юридически проще, но дороже. Возникают и на совершенно новом месте, на зарастающем поле. В принципе это нецелевое использование земли, и из-за этого у поселенцев бывают проблемы. То есть землю они получают легально, но используют не по назначению.

Во многих регионах сельскохозяйственные земли — это зарастающие поля или пастбища. Типичный ландшафт для средней полосы — поле, а на нём редколесье. На таких территориях и строят

дома. Из-за этого могут быть проблемы с властями. Но, как правило, такие земли мало нужны и их не трогают. Ну а приехавшие пытаются как-то легализоваться.

Но это может быть только в тех местах, где сельскохозяйственные земли не представляют серьёзного ресурса? То есть не на юге.

Если говорить о поселениях родовых поместий*, то в Краснодарском крае их как раз больше всего. Вероятно, они как-то сразу договариваются с местной властью. Но это не приморская и не сельскохозяйственная зона, скорее предгорье.

Наше государство нередко называют авторитарным, но тогда как оно допускает подобные поселения?

Сложный вопрос. Пока человек не мешает, знает своё место и не зарывается, он вполне может действовать. В этом плане у нас государство более свободное, чем в советские времена и даже чем на Западе. Невозможно себе представить, чтобы, например, в Германии группа людей пришла, взяла поле и стала там строить свою деревню. Существует приток возвращенцев эмигрантов, которые заинтересовались идеями Мегре (серия книг «Звенящие кедры России»). В странах, где они живут, нет возможности создать подобные поселения, и они возвращаются в Россию, чтобы создать своё родовое поместье. Они приезжают со сбережениями, которые они там сделали.

Анастасийцы, рериховцы, виссарионовцы, беспаспортисты, дауншифтеры, экопоселенцы, фрилансеры, дачники — у них ведь разные цели, хотя все они стремятся ограничить себя от внимания государства. Чем отличаются поселения разных регионов, как на них влияет местная специфика?

* Одной из ключевых идей движения «Звенящие кедры России» является концепция создания «родового поместья» — обустройства участка земли размером не менее одного гектара, выделенного семье в вечное безвозмездное пользование, в соответствии с принципами, описанными в книгах В. Мегре, для последующего проживания на нём владельца, семьи владельца и потомков.

Как относятся местные жители к чужакам (переселенцам из городов)?

По моим прикидкам, две трети из новых поселений — анastasийские поселения, оставшаяся треть — все остальные. Анастасийские поселения разбросаны по всей стране, но на Дальнем Востоке их мало, а на самом севере их совсем нет. Поселения родовых поместий редко создаются в пространственной изоляции.

Вот среди адвентистов есть и из малых городов, есть и сельские жители. Они более приспособлены к суровым условиям.

Виссарионовское поселение в Сибири очень большое, там живёт чуть ли не пять тысяч человек.

Они, правда, не все сконцентрированы в одном месте, но всё-таки это такая общая территория.

Часто переселенцы не очень настроены на взаимодействия с местными жителями. У них своя «тусовка». Они с аналогичными поселениями на других территориях общаются. Поскольку они очень отличаются от местных жителей, контакты не завязываются. Ну, может быть, выезды в магазины, кого-то могут нанять на стройку, но не как система. Хотя бывают и исключения, конечно. Одно из поселений создало у себя театр, куда на спектакли приезжают люди из районного центра.

Местные жители обычно относятся к ним с непониманием, воспринимают как чудиков и сектантов. Хотя это совсем не обязательно сектанты. У анastasийцев, например, нет внутренней иерархии, и это, скорее, мировоззренческие объединения.

Переселенцы довольно активны поначалу. У них эйфория, они полагают, что будут строить рай на земле, что вокруг единомышленники и они наконец вырвались из технократической цивилизации. Они придумывают новые праздники, создают новые традиции.

Этот этап заканчивается года через три-четыре.

Они понимают, что проблем очень много, что не всё удаётся, появляются разногласия, конфликты, часть людей решают обособиться. Они замыкаются в своих семьях. Но потом приходит понимание, что нельзя уж совсем вариться только внутри семьи. Через несколько лет они опять начинают взаимодействовать с окружающими и как-то ко-

оперироваться. Многие хотят создать свою школу, чтобы самостоятельно обучать детей. Полноценно это мало кому удаётся. Обычно всё сводится к курсам на дому. В результате кто-то оказывается на домашнем обучении, кто-то — на совместном, а кто-то ездит в обычные школы. Я знаю несколько случаев, когда сельскую школу не закрывали только потому что в неё начинали ходить дети анastasийцев. Иногда в школе на десять анastasийцев один местный ребёнок.

Случаются и конфликты. Приехавшие начинают строиться на поле, где местные жители привыкли собирать землянику, или срезать дорогу по тропинке. Но в целом ссоры возникают не очень часто. В последние годы у анastasийцев было активное взаимодействие с ОНФ. В областных центрах проходили семинары, посвящённые родовым поместьям, куда приглашались представители власти и общественных организаций. Происходило нормальное знакомство, обмен мнениями и обсуждение проблем.

«Деревни-SOS» — это такое международное движение, когда детей-сирот или детей, оставшихся без попечения и живущих в детских домах, берут на воспитание семьи, которые селятся в таких деревнях-SOS. Поселения, о которых мы говорим, и деревни-SOS как-то меж собой взаимосвязаны?

О деревнях-SOS я знаю по крайней мере по трём конкретным адресам. Один в Костромской области, в Кологривском районе, там была брошенная деревня, где раньше жил знаменитый художник Ефим Честняков. Это был очень интересный и необычный человек. Любил окружать себя деревенскими детьми, писал для них сказки, ставил спектакли, устраивал праздники, дети были персонажами его картин. И однажды он предсказал следующее: «Будет время и моя деревня вымрет. Но потом придут дети и моя деревня возродится». Но, к сожалению, насколько мне известно, приёмные родители сейчас постарели и им перестали давать на воспитание детей.

Есть такая деревня на границе Новой Москвы и Калужской области — Орион, в Калужской области есть детский посёлок Китеж. Там у них всё довольно-таки успешно развивается.

«В Сильной изоляции, когда жители понимают, что государство на них вообще не обращает внимания, где нет контролирующих инстанций и чужаков поселения устойчивее»

Вообще, брать детей-сирот на воспитание — это довольно распространённый способ заработка, особенно в деревне. Это даже способ сохранения деревень. Там, где нет других альтернатив, жители

берут себе в семью много детей, ведь за каждого государство платит.

Я сотрудничаю с фондом «Хамовники», который поддерживает социальные исследования российской действительности. Один из таких исследовательских проектов был как раз посвящён этой теме — «Экономика усыновления как стратегия выживания малых сёл», исследователи — Вера Галиндабаева и Николай Карбаинов.

«Чем сильнее изоляция, тем устойчивее населённый пункт» — это ваш вывод, сделанный в путешествиях. Насколько жизнеспособны новые типы поселений в случае роста их популярности, ведь местных рынков труда нет, а природные ресурсы не безграничны?

Я говорил о пространственной изоляции, имея в виду сообщества в традиционных деревнях, а не в новых поселениях. Практически для всех из них после распада Советского Союза изолированность усилилась. Раньше было регулярное сообщение по земле, воде, воздуху даже с малыми отдалёнными населёнными пунктами. Это всё сошло на нет, и они оказались в изоляции. И если говорить о такой изолированности, то оказывается, чем она сильнее, тем поселение устойчивее.

Географ Татьяна Нефёдова делит пространство региона (если не рассматривать региональный центр и крупные города) на пригород, полупригород, полупериферию, периферию. А то, что я имел в виду под пространственной изоляцией, это уже за периферией.

У Нефёдовой получается, что чем дальше, тем депрессивней. То есть периферия это уже депрессивный пояс. А если взять изоляцию, это не просто удалённые места, а труднодоступные. Оказывается, что в лёгкой труднодоступности поселения оказываются менее устойчивыми. И убежать можно, и контролирующие инстанции навещаются. То есть плюсов от изоляции нет, а минусы проявляются.

В сильной изоляции, когда жители понимают, что государство на них вообще не обращает внимания, где нет контролирующих инстанций и чужаков, поселения устойчивее. Интересно, что информационной изоляции у них нет. Они даже в своих охотничьих избушках ставят телевизоры, для этого

есть дизельные генераторы, и в соцсети они выйдут.

Там, где в основном живут за счёт эксплуатации природных ресурсов, отношение к ним ответственное. Они понимают — это для себя, думают о будущем. Но если искушение слишком велико, правила могут быть нарушены. Взять пример с кабаргой в Горном Алтае, это самый маленький российский олень. У него есть мускусная железа, на «чёрном рынке» её цена от 20 до 40 тысяч рублей. Когда возможен такой простой и большой заработок, можно сорваться. А в Коми и в Архангельской области нет таких ценных ресурсов, поэтому отношение к природе не хищническое.

У меня недавно вышла статья о том, чем отличаются друг от друга поселения, которые создаются вблизи городов и на большом от них удалении. Если поселение где-то в глуши, значит, туда приехали убеждённые люди, которые намерены там всерьёз обосноваться, действительно порвать с городом и реально выйти на уровень практически полной самодостаточности. А если люди создают поселение в 40 километрах от Москвы, а такие поселения существуют, понятно, что у них будет полудачный образ жизни.

Да, они живут, по сути, вне государства, потому что они от него ничего не просят. Но было бы неправильным говорить, что это места, откуда государство ушло. Скорее они себя ощущают параллельно с государством.

Можете ли вы количественно оценить, хотя бы ориентировочно, сколько же людей в настоящий момент проживает в таких поселениях нового типа?

Точно не скажу. Я беседовал с одним из активистов движения анастасийцев, который регулярно общается с представителями других поселений, он сказал, что тысяч пятьдесят.

И, соответственно, если взять всех остальных, суммарно получится 80—100 тысяч поселенцев в стране. А если взять всех людей, которые переселяются из города в сельскую местность и пытаются там что-то организовать, либо у них уже есть пенсия или они могут удалённо работать, их уже будет, наверное, за миллион.

ЧАСТЬ II. ОТХОДНИКИ

Отходники, или трудовые мигранты, куда ездят, какие профессии выбирают? Насколько на трудовую миграцию влияет региональная специфика?

У нас было несколько довольно-таки масштабных проектов по отходничеству. Есть два основных направления: это севера (к северам иногда относят Сибирь и Дальний Восток полностью, даже если речь идёт о совсем не северной широте) и Москва. Питер тоже к себе притягивает людей, но это скорее региональный уровень, в основном туда едут люди с северо-запада: Карелия, особенно Псков и Новгород, это такие депрессивные регионы, хотя иногда туда едут и люди из Костромской области, у них остались ещё исторические связи с Петербургом. Ну а Москва — полюс притяжения, как минимум, всей европейской части страны.

Считается, что столица магнитом притягивает трудовые ресурсы в радиусе примерно 500 километров.

500 километров — это охранники, максимум 700. Это, пожалуй, самая массовая разновидность отходничества в Москве. Охранников совершенно немыслимое количество, и это почти исключительно отходники. Но у них невысокие заработки, и поэтому человек не поедет охранником в Москву с Урала. Но в Москве не только охрана, есть и стройка, а в Подмосковье — строительство дач. Если взять Костромскую область, частично Вологодскую, частично Архангельскую, — из этих мест люди ездят ставить срубы для богатых людей. У них есть навыки по деревянному строительству. И там бывают приличные заработки, и это — совершенно другая страта. Есть ещё одно направление — большие стройки. Это был Сочи в период подготовки к Олимпиаде, это был Крымский мост. На такие мегапроекты люди собираются не только из ближней округи. Есть огромное количество вахтовиков. Направления разные, и профессии тоже. Если на севере есть люди, которые умеют ставить срубы, то на юге таких нет или по крайней мере мало. Они скорее бу-

«С СЕВЕРА УЕЗЖАЮТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ОТХОДНИКИ, КОТОРЫЕ ВЫЗЫВАЮТ УВАЖЕНИЕ У МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, А НА ЮГЕ К НИМ МОГУТ ОТНОСИТЬСЯ ХУЖЕ»

дут строить кирпичные дома.

В каждом районном центре есть обязательный набор рабочих мест: районная администрация, центральная районная больница и т.д. В основном это — бюджетная и околобюджетная сферы. И количество

рабочих мест, оно не такое уж эластичное. Поэтому они обеспечивают рабочими местами на севере большую долю населения, чем на юге.

На севере есть лесоповал, возможна эксплуатация природных ресурсов, например сбор ягод. И это относительно доходно, и там проще на месте найти работу. На юге в сельском хозяйстве продолжается автоматизация, сокращающая количество рабочих рук. Там становится всё труднее найти работу, больше приходится «крутиться».

С севера уезжают квалифицированные отходники, которые вызывают уважение у местных жителей, а на юге к ним могут относиться хуже. Там больше уважения вызывает человек, который может организовать достойный уровень жизни, не покидая места.

Нам казалось, что в Сибири нет отходничества, в дореволюционное время его там практически не было, но сейчас стало появляться. Например, в Республике Алтай основными направлениями отходничества оказались Сахалин и Камчатка. Очевидно, это случайное стечение обстоятельств. Может быть, их вербовщики нашли, или кто-то что-то узнал, и в результате они поехали массово. Есть сёла, в которых население составляет 500 человек, а 100 человек работают на Сахалине. Это помогает выживать большим семьям, которые традиционны на Алтае. Аналогичное наблюдение было у нас в Мордовии, жители северо-западной её части ездят в Айхал (Якутия) на добычу алмазов. Это тоже случайное совпадение — в Айхале даже главой был какое-то время мордвин.

Доля отходников растёт?

Доля таких людей большая, особенно в провинциальных городах. Например, в Чухломе, это в Костромской области такой исконный центр плотников, по нашим методикам подсчёта выходило, что до семидесяти процентов мужчин в трудоспособном возрасте ездят или хотя бы ездили на заработки.

Женщины практически не ездят, а вот на юге и в средней полосе женщины активно выезжают. Естественно, сферы у них другие. Они могут работать нянечками, медсёстрами. У нас ведь медицина съезживается, создаются межрайонные центры — крупные больницы. В районных центрах остаются толь-

«ЕСЛИ ВЗЯТЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ПЕРЕСЕЛЯЮТСЯ ИЗ ГОРОДА В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ И ПЫТАЮТСЯ ТАМ ЧТО-ТО ОРГАНИЗОВАТЬ, ЛИБО У НИХ УЖЕ ЕСТЬ ПЕНСИЯ ИЛИ ОНИ МОГУТ УДАЛЁННО РАБОТАТЬ, ИХ УЖЕ БУДЕТ ЗА МИЛЛИОН»

ко базовые специалисты. Бывает, что в таком районном центре продолжает работать медицинский колледж, а применения выпускникам нет. Вот они и ездят в Москву на вахту в частные клиники.

Но обычно профессия в отходе зависит не от образования, а от того, куда поехал сосед или где есть знакомые. Поскольку в провинции, особенно в сёлах, люди обычно многое умеют делать, образование и базовая специальность мало что определяют.

Люди, которые отправляются на заработки, видят мир, наблюдают другой образ жизни. Когда они возвращаются, они что приносят новое в свои базовые места: в порядки и в отношения?

Есть мнение, что привносят новую организацию быта, новые технологии ремонта, строительства. Люди поехали в отход, а вернувшись, привезли и стали использовать сайдинг, и, на мой взгляд, катастрофически ухудшили своё жилище.

На самом деле отходники не так уж много общаются с местными жителями, часто живут на объекте, если это охранники. А если срубщики, дачные строители — могут жить в палатках, на участке, где строят. С внешним миром не так уж много взаимодействуют. А если вахта не очень длинная, то и выходных может не быть.

Охранники работают две недели через две и ездят круглый год. На севере, куда добираться долго и дорого, вахты более продолжительные, до нескольких месяцев. На Дальний Восток на рыбоперерабатывающие предприятия уезжают на весь сезон. А иногда живут на чужбине круглый год, приезжая домой только в отпуск. Отходников часто обманывают, многие работают нелегально.

Это, с одной стороны, напряжённый, а с другой стороны — привлекательный образ жизни. Когда, по сути, половину времени ты можешь отдыхать, заниматься своим хозяйством или рыбалкой. Поэтому многие, когда видят объявление о работе по месту проживания, уже не проявляют к ним интереса. Но, конечно, для семей подобная ситуация рискованная — или семьи рушатся, или мужчина начинает жить на две семьи.

Увы, в местной прессе тема отходничества почти не описывается, хотя читателям было бы очень полезно почитать о плюсах и минусах жизни земляков, пустившихся в трудовую миграцию. Большое спасибо за беседу!

&